

18+

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

ЧЕРНЫЕ
НОВЫЕ
СКАЗКИ

Майк Гелприн
Валерий Лисицкий
Ирина Невская
Ярослав Землянухин
Эльдар Фаритович Сафин
Владимир Чубуков
Иван Русских
Александр Александрович Подольский
Артем Гаямов
Мария Евгеньевна Некрасова
Артем Погодин
Роман Голотвин
Всеволод Болдырев
Александр Матюхин
Дмитрий Лопухов
Дмитрий Александрович Тихонов
Иван Геннадьевич Фаворов
Алексей Гибер
Дмитрий Николов
Ирина Соляная
Мирон Высота

М. С. Парфенов
Самая страшная книга.
Новые черные сказки
Серия «Самая страшная книга»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73763948

*Новые черные сказки : [сборник] / составитель Парфенов М. С.: АСТ:
Астрель-СПб; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-184005-1*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Самая страшная книга» снова делает это: возвращает народу сказки такими, какими те были в стародавние времена, – тревожными и пугающими не на шутку историями о мертвецах, ведьмах и демонах.

Узнайте настоящую историю гамельнского крысолова и других известных с детства сказочных персонажей. Послушайте адскую колыбельную. Переживите Вавилину ночь. Погрузитесь в мир неимоверно мрачных современных сказок, созданных

отечественными мастерами ужасов Дмитрием Тихоновым, Майком Гелприном, Александром Матюхиным, Владимиром Чубуковым, Дмитрием Лопуховым и другими талантливыми авторами.

Сказки – это первые истории ужасов... И теперь они приходят к вам такими, какими всегда были и должны быть! Здесь нет места светлому волшебству, ведь это сказки для взрослых.

Новые черные сказки!

Содержание

Дмитрий Тихонов	7
Дитя для семи нянек	7
Ирина Соляная	10
Подснежник Трофима	10
Майк Гелприн	23
Гамельнский крысолов	23
Ярослав Землянухин	49
Никодим и перунов цвет	49
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Новые черные сказки

Составитель

Парфенов М. С

Серия «Самая страшная книга»

В оформлении обложки использована иллюстрация Валерия Петелина

© Авторы, текст, 2025

© Парфенов М. С., составление, 2026

© В. В. Петелин, ил. на обл., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Дмитрий Тихонов

Дитя для семи нянек

Солнце садится. Ветер несется сквозь лес, а тот из всех сил пытается схватить его скрюченными ветвями – схватить и удержать, прижать к желто-зеленой своей груди. Но ветер неизменно ускользает, и лес качается, вцепившись в собственные кроны, рвет листья, будто волосы, и плачет взахлеб, и воеет, воеет в немощем отчаянии – прямо как матушка в последние дни.

Бедная славная матушка! Ванятка отдал бы все на свете, лишь бы вернуться домой хоть на часок, хоть на минутку снова оказаться в ее объятиях. Но нет у него ничего, что можно было бы отдать. Только ветхая одежонка да никчемная детская жизнь. Одежонку никто не возьмет, разве что на тряпье, а жизнь уже обещана другим.

Тятька ступает тяжело, сутулится, на Ванятку не смотрит. За всю дорогу ни разу не взглянул и не сказал ни слова. Да и нет, наверное, правильных слов для такого дела. Хоть до самой дряхлой старости доживи – не същещь.

На крохотной полянке тятька останавливается, озирается, словно ища какие-то приметы, и Ванятка понимает: все, здесь они расстаются. Дальше сам. Тятька склоняет-

ся к нему, по-прежнему глядя мимо, в траву, в листву, все-таки бормочет что-то – за ветром не разобрать – и, потрепав сына по плечу, уходит прочь. Домой. Через несколько мгновений долговязая фигура его скрывается среди деревьев.

Ванятка едва не бросается следом с рыданиями и мольбой. Но вместо этого, глотая слезы, поворачивается и идет в другую сторону, в глубину леса, в глубину бури. Его ждут там.

Он уже достаточно взрослый и знает немало. Знает, что Семеро Нянек не прощают опозданий. Каждый високосный год они берут себе дитя в услужение и на воспитание, растят его, одаривают небывалой мудростью и многими знаниями, а затем отправляют в дальние края: мир посмотреть и себя показать. Еще никто из учеников не вернулся в родимый дом – столь велика земля и столь трудны их странствия, – потому в деревне и горюют по ушедшим детям как по умершим, потому и упала без чувств матушка, когда услышала, что на сей раз жребий пал на Ванятку.

Но попробуй не отдай дитя! Сгибнет урожай, наползут моровые поветрия, а зимой явится в деревню Коровья Смерть и передуют скот – ото всех этих бед хранят деревню Семеро Нянек, что ждут сейчас Ванятку в сердце леса. Они свято чтут условия древнего договора и ждут того же от деревенских.

Да, умен Ванятка и знает немало. Но недостаточно. Даже не догадывается он о семи дубовых гробах, которые уче-

нику предстоит чистить от плесени и прели, или о семи саванах, которые нужно постоянно подновлять. Понятия не имеет о сводящем с ума запахе тлена, о застывших зубастых улыбках, проступающих из-под гниющих губ, о пустых глазницах и провалившихся носах, о длинных серых руках и тонких серых пальцах. Эти пальцы столь ловко, столь умело вынут его левый глаз, что он почти не почувствует боли.

Глаз Няньки станут передавать друг другу, смотреть сквозь него вокруг и радоваться красоте белого света. А когда левый глаз придет в негодность, наступит черед правого. К тому времени ученик уже достаточно освоится в доме, чтобы исполнять все положенные работы на ощупь. И вот тогда-то, в вечной тьме, в неизбывной скорби, и начнется его настоящее обучение...

Ничего этого пока не знает Ванятка, а потому радуется, увидев впереди огонек. Он уже выбился из сил, но прибавляет шагу. Он продрог и проголодался и почти не колеблется, когда выходит из бури к избе – покосившейся, почерневшей, поросшей осинками. Лишь одно окно у нее, совсем крошечное, забранное мутной слюдой. За слюдой пляшет пламя свечи. Оно здесь для него, только для него – те, кто ждут внутри, не нуждаются в огне.

И когда Ванятка, собравшись с духом, стучит в кривую замшелую дверь, свеча гаснет.

Ирина Соляная

Подснежник Трофима

Мое сердце предчувствовало скорую беду: зря из поселка изгнали старуху Юмдолгор. Конечно, в наш просвещенный век никто уже и не боится ведьм, но это в Санкт-Петербурге. А в таежной глуши такого насмотришься, что и в злых духов, и в шаманов, и в колдунов поверишь. Кто-то сказал, что из-за Юмдолгор и зачах шаман, что сила его в Нижний мир ушла, что опоила его старая, обманула. Ну и зачем тогда такой хранитель поселка, если любая косматая старуха его ногтем скovyрнет? Может, из Юмдолгор вышла бы шаманка не хуже прежнего?

Но староста Олзо-ахай показал на нее пальцем, и разгневанные мужчины разломали остов ее юрты, раскидали шкуры и прогнали старуху в тайгу. Долго ветер выл ее смехом, а женщины плакали и приговаривали:

– Будет мстить нам ведьма!

В ночь разбушевалась буря, сломала старую лиственницу и повалила на колодец. Два дня не могли напиться воды, пока не распилили и не растащили ствол с ветками. Заглянули – а на поверхности воды мусор и листья, дохлые птицы и скорлупа из разрушенных гнезд. Олзо-ахай распорядился

новый колодец рыть. Без шамана, без милости богов землю ковыряли неохотно, ворчали.

Тогда я подошел к старосте:

– Уважаемый, еще не поздно позвать старуху обратно.

Олзо-ахай вытащил трубку из гнилого рта и ответил:

– Ты, конечно, Трофим-ахай, царский человек, но в дела наши не лезь. Мы в твои не лезем.

Я посмотрел в его раскосые глаза и только зубами скрипнул. «Ну, старый ты упрямец, доиграешься», – подумал я тогда и не ошибся.

На третий день собаки жалобно заскулили и поползли на брюхе к ручью, по берегу которого росли целебные травы. Ни одна не выбралась из поселка. Бешено катались они по земле, поднимали в предсмертной агонии сор и пыль, затем вытягивались в струну и замирали. Все собаки издохли к вечеру.

К концу недели случилась новая беда. Вернулся с луга очумелый пастух и не мог вымолвить ни слова. Напоили его травяным отваром, дали отлежаться, и старик признался, что появилась невесть откуда стая крупных черных волков, окружила стадо и увела в чащу. Старожилы не помнили в округе черных волков, потому люди не поверили пастуху и двинулись на поиски. Трое суток бродили по тайге, но ни коров, ни волков, ни Юмдолгор не нашли. Потом Олзо-ахай сказал:

– Она забрала все, теперь успокоится.

Каждый понял, о ком говорит староста. Мужья жен успокаивали, матери – детей. И правда, на какое-то время наступило затишье.

Люди в поселке были незлопамятные и думали, что в их юрты нет ходу ведьминской злобе, что Юмдолгор насытилась. Посмеивались надо мной:

– Ты, царев человек, настоящей беды не видел! А мы многое пережили.

Буряты были добрыми и простыми, трудолюбивыми и спокойными. Я жил с ними третий месяц, вел перепись, исправлял карты, заполнял сводки, описывал местность, зарисовывал растительный и животный мир. Меня от Баргузинской комиссии откомандировали, а местные юрту построили. Приняли настороженно, но привыкли ко мне быстро. Я даже женой успел обзавестись. Сирота, юный подснежник, Минжурма.

Через две недели после изгнания ведьмы Минжурма стала чахнуть на глазах. Лицо побледнело, руки повисли прозрачными бессильными стебельками. Глаза потемнели и ввалились. Я заметался по округе, но разуверился в знахарках из соседних селений. Съездил в Баргузин, потратил пять дней, а лекарств не добыл и врача не привез. Захватил, сколько смог, в единственной аптеке пилюль и порошков наугад и как чумной вернулся в поселение. Минжурму дома не застал.

Соседка Очигма сказала:

– Твоя к ручью пошла. Юмдолгор по воде звать. Велела

тебе тут ждать.

Я кинулся следом, но соседка схватила за рукав. Покраснела от стыда и говорит:

– Нельзя мне чужого мужа трогать. Просто мне жалко тебя, пропадешь вместе с Минжурмой. Езжай в каменный город, откуда пришел. Это наша беда, а не твоя.

Как не моя?! Мне пятьдесят лет, женат никогда не был, кое-как на картографа выучился и промотался лет двадцать по дальним краям. Своего угла не имел никогда. Каждый раз – новые люди, всякий раз – другая изба. Буряты, сартулы, хонгодоры меня уважали и боялись. Называли ученым человеком, мне это льстило. Я ладил с ними и копейку свою добывал нетрудно. Что бы я в столице делал? Без денег и связей, безотцовщина-байстрюк... Третий месяц, как я под Баргузином обосновался, и юрта своя есть, и жена-красавица... Куда мне возвращаться? Что ты согласишь в моем горе, глупая Очигма?

Я досадливо высвободил рукав пиджака и поспешил к ручью. Обшарил все кусты, обошел все тропки, нашел Минжурму у белого камня. Ее руки были еще теплыми, но на шее жилка уже не билась, а под ресницами тускнела черная мгла. Только косы змеились по траве, как живые.

Я пришел поздно.

На коленях я застыл у бледного лица жены. Сколько стоял так – не вспомню. Ничего не оставалось, как оплакивать Минжурму.

– Ах, мой нежный подснежник, почему ты увяла? Сколько я ни дышал на твои лепестки, а вдохнуть в них жизнь не удалось. Что мне отдать за то, чтобы ты снова цвела? Вода ручья пусть напоит тебя, солнечные лучи ласково обогреют, ветер освежит. Только лежит подснежник, склонил голову к земле, и нельзя тронуть цветок рукой, осыплется лишь прах.

Не знаю, откуда пришли эти слова старой бурятской песни о первой любви. Птицы умолкли, слушая мои рыдания, и серые сумерки укрыли меня.

Из оцепенения меня вызволил чей-то настойчивый шепот:

– Наклонись к ручью, попроси воду о чем хочешь.

Я огляделся и никого не заметил. Только кедровые ветки нависли надо мной и моей мертвой женой. Наверное, я выглядел безумно, но некому было остановить меня, и потому я прокричал что было силы:

– Юмдолгор, приди!

Зашумели кроны, несколько веточек с листьями отломилось и упало в воду, их понесло течением прочь. Никто не отозвался из неприветливого леса. Усмехнулся я: «Ах, остолоп-остолоп! Разве есть такие силы, чтобы мертвых к живым возвращать?!» И в ответ мне прозвучал ледяной голос:

– Ты звал меня, ученый человек, я пришла.

Юмдолгор опиралась на палку, которая нужна была ей лишь для того, чтобы рыться в поисках ядовитых корешков да собак отгонять. Стоило ей перестать притворяться и вы-

прямить спину, все заметили бы: не такая уж старая и слабая. Но теперь не только ее глаза горели ненавистью, а губы кривились, но и мои.

– Верни мне Минжурму.

Ведьма покачала головой.

– Проси чего хочешь. Юрту новую поставлю, червонцев насыплю, буду охранять от жителей, как черный волк.

Наконец Юмдолгор кивнула и достала из кармана дэг-эл¹, деревянный гребень и рысью варежку. Протянула мне со словами:

– Расчесывай траву, вытирай мокрые камни досуха. Потом выбрось в ручей и гребень, и варежку.

Я смотрел на нее и думал: «Если я сохраню рассудок, это будет чудом. А пока... Если нужно разбудить от смертного сна Минжурму, то я любому человеку горло перегрызу и его кровью умоюсь. А косы из травы плести – дело нехитрое».

Юмдолгор ничего не попросила за свой обряд, ушла так же тихо, как и появилась. Я радовался, что нет здесь свидетелей, что скоро забудется мой страх, который заставил меня при свете желтой луны расчесывать речную траву и вытирать огромный белый камень. Я не хотел вспоминать, как с каждым моим движением моя мертвая жена тяжело вдыхала речной воздух.

– Ты все сам сделал. Меня не благодари, – сказала Юмдолгор на прощание.

¹ Традиционный костюм бурят.

Под утро с Минжурмой мы вернулись домой. Она брела без сил, низко наклонив голову. Ее руки были все еще холодны, а под ресницами густела непроглядная мгла. Никто не видел, как я поднял полог юрты и впустил жену.

Я жарко обнимал тело Минжурмы в промокшем от росы платье, пока оно не высохло, а моя милая не раздумянилась. Наутро она сожгла старый наряд и достала из сундука другой, праздничный.

– Каждый день должен быть лучше предыдущего.

Она приготовила мою любимую кашу и испекла шанежки, только сама не съела ни куска.

– Нельзя, чтобы муж смотрел, как я ем. Это некрасиво!

И я согласился.

Минжурма теперь сидела дома, ласково глядя на мои чертежи и карты. Она перестала ходить сплетничать к соседкам, вечерами не пряла с ними и не сматывала в клубки мягкую овечью шерсть.

– Зачем мне подружки? Безмозглые куропатки нашему счастью завидуют.

И правда, мою жену теперь сторонились. Всегда приветливая Очигма и другие женщины шушукались за нашими спинами. Но стоило Минжурме окинуть их огненным взглядом, умолкали и разбегались по юртам. Удивлялся я тому, как изменились дружелюбные буряты. Надо было радоваться, что беды кончились, но лица соседей были мрачнее прежнего.

События той ночи у реки выветрились из моей головы, как смрад болотной воды относится прочь налетевшим ветром. Только раз меня царапнула шальная мысль, что счастье мое непрочное, когда через неделю в поселение приехал мой начальник Васильев.

– Что-то ты, Трофим, в конторе не появляешься, уж не захворал ли? Бледный какой-то... – Он спешил и попытался привязать коня к столбу. Минжурма вышла навстречу и поклонилась гостю. – Ах, какая у тебя жена красавица!

Конь вздыбился и захрапел. Он потянул за собой Васильева, держащего поводья, тот чуть не перекувырнулся через голову. Это показалось мне забавным, но я сдержал усмешку и поспешил на помощь. Васильев сетовал, что дали ему необъезженного. Еле-еле мы привязали беспокойного чертяку. Я видел, что обед Минжурмы Васильеву не понравился, но начальник деликатно промолчал. Бурятские блюда не все любят, что и говорить. Васильев проверил мои карты и заметки, головой покивал и забрал отчет. Наказал мне явиться в Баргузин будущей пятницей, потому что решено закрыть исследование и вся экспедиция переедет вверх по хребту в сторону Курумкана. Там компания геологов прибывает из Санкт-Петербурга, надо встретить, скоординировать общие действия. Подмигнул Минжурме и ускакал на коне, который дважды чуть не выбросил его из седла.

После отъезда Васильева я места себе не находил, и жена заметила мое беспокойство. Она обвила нежными ручками

мою шею и зашептала на ухо:

– Нам никакие беды не страшны, когда мы вместе. Никуда ехать не придется. Все изменится.

Ее горячие поцелуи заглушили во мне все сомнения. Это был уже не весенний робкий подснежник, а огненная лилия-саранка. Ее тело стало податливым, и его наполняла невероятная страсть. От Минжурмы исходили волны жара и неги, в которые я нырял. Наша страсть с каждым днем была сильнее, и в редкие часы, когда мы отрывались друг от друга и воцарялась благодарная тишина, я говорил себе: «Как можно сомневаться в нашей любви, способной преодолеть смерть?»

Но срок отъезда неумолимо приближался. Ранним утром пятницы я засобирався, набрал колодезной воды и сунул в подсумок вяленой козлятины. Чувствовал, что за день не управлюсь, а Минжурме наказал приготовить для переезда только самое необходимое, чтобы к моему возвращению она была готова. Жена бесцельно перебирала вещи в сундуках, переставляла полки, скатывала новенькие шерстяные одеяла и снова раскатывала их.

– Цветочек мой, не плачь, вернусь скоро. Бусы привезу новые. Из прозрачного хрустала.

Но жена мотала головой, и слезинки разлетались по сторонам. Она уклонилась от моих объятий и ушла к колодцу.

С тяжелым сердцем я поспешил к старосте, но тот, бросив на меня высокомерный взгляд, покачал головой:

– Коня не дам.

– Ты в уме не повредился ли, Олзо-ахай?! Я царский чиновник и грамоту показывал тебе! – От волнения я говорил сбивчиво. – Ты должен мне оказывать всякое содействие!

– Ты теперь не царский человек. Ты – поганый волк Юм-долгор. Не ищи у нас помощи. Посмотри на себя, ведьма выпила из тебя всю кровь.

Старик развернулся, чтобы зайти в свою юрту, но я его окликнул:

– Олзо-ахай! Я уеду скоро, насовсем. С женой. Мне надо в Баргузин нынче. Экспедицию переводят. Дай коня!

Я пошатнулся – голова кружилась от быстрой ходьбы.

Старик повернулся и взглянул на меня из-под седых бровей, сросшихся на носу:

– Тебе не уехать отсюда, и ты это знаешь. Коня загубить не дам.

В бешенстве я побежал к дому через густой кедровник, чтобы найти пистолет и пригрозить упрямому Олзо-ахаю. Мне уже порядком надоели средневековые предрассудки этих плоскомордых и узкоглазых туземцев. Когда я без сил ввалился в юрту, Минжурма ждала меня, лежа на ковре. Соблазнительные изгибы бедер манили меня, ее черные глаза горели любовной лихорадкой. Витой шнурок на воротничке платья развязался, Минжурма играла кистями. Я осыпал ее горячие руки поцелуями.

В Баргузин я не поехал ни в тот день, ни на следующий.

Я с трудом мог поднять голову от подушки. Сквозь дрему я слышал пение Минжурмы, бархатный голос баюкал меня:

– Я твой нежный подснежник. Подыши на мои лепестки, наполни мое тело жизнью. Что ты отдашь мне, чтобы я снова цвела? Не ручей напоит меня, не солнышко обогреет и не ветер освежит. Только ты будешь держать меня в ладонях. Целую вечность.

Я проваливался в счастливый сон. Для чего мне эти карты, перепись, прииски, контора?..

В понедельник я с трудом разлепил веки. В сумерках собиралась гроза, беспокойные лиственницы шумели над юртами. Я позвал жену, но глухой голос провалился в ватную тишину. Я выбрался из юрты на четвереньках и без сил остановился. Послышался безутешный детский плач. С трудом я добрался до соседей и отогнул толстую шкуру на входе. Что я увидел? Вместо огня – горстка золы и пепла, а Очигма в лучшем своем уборе лежала на ковре, прямая и желтая, как сухой ствол сосны. Плакала маленькая дочь, склонила голову сестра, муж Очигмы вытирал слезы с морщинистых щек. Олзо-ахай сидел рядом, сжимая ставший бесполезным шаманский бубен. Завидев меня, взрослые замахали руками и закричали на своем варварском языке, а дочка уткнулась носом в грудь отца. Я ретировался. Свежий воздух придал мне бодрости для крика:

– Олзо-ахай! Не тяни время. Я знаю средство от твоей беды!

Из юрты Очигмы никто не вышел. А из-за деревьев показалась хрупкая фигурка Минжурмы. Она несла вязанку хвороста, и я удивился проворности ее движений. Моя жена не казалась слабой и беспомощной ни когда тащила сучковатые ветки, ни когда складывала погребальный костер.

– Минжурма! – позвал я, но она с приветливой улыбкой вернулась в лес за новой охапкой.

Жена носила ветки до полудня, и к тому времени я узнал, что в дальней юрте умерла Сэсерлиг, а слева от нас та же участь постигла и Чимитцу. Все они были молоды и полны здоровья, но именно их мужья разрушили когда-то юрту Юмдолгор.

Рвота подкатила к горлу, и я исторг из себя плесневую жидкость. Минжурма ловко подбежала ко мне и усадила на камень.

– Вижу, что ты не помощник мне теперь, – проворковала она, – но кто-то же должен заниматься делом, когда у других все валится из рук. Не захотели шаманку по воде звать, теперь она сама придет по верхушкам кедров. Выберет любую юрту, заберет ковры и мониста, наденет лучшие платья. Будет ходить от семьи к семье.

Всю ночь полыхали погребальные костры. По лицам мужчин текли слезы. Олзо-ахай с ружьем искал Минжурму по всей округе, словно она в чем-то была виновата. Я смеялся над ним, потому что знал: Минжурма сильная и за себя постоять сможет, да и Юмдолгор в обиду ее не даст.

К утру староста не вернулся, и к вечеру. И через день тоже. Как мог Олзо-ахай в тайге заблудиться, если он с младенчества знал ее, как узоры на платье матери?

В среду за мной приехал конный отряд из Баргузина. Васильев мечтал нацепить наручники на предателя государственных интересов, но застал меня полуживым в остывшей юрте.

Конный отряд бродил между брошенными туземными жилищами. Те, кого не сожгли в погребальных кострах, бросили все и ушли в тайгу. Я один лежал в лихорадке и ждал, когда вернется Минжурма, заварит мне целебного чая и поцелует горячими устами. Она вдохнет в меня тепло, как когда-то сделал я. Но отчего-то моя жена не приходила.

Я просил Васильева оставить меня, но оказался поперек седла со связанными руками и кляпом во рту. Так меня отвезли в Баргузин и определили в желтый дом. Я вернулся в селение только через год и не нашел никаких следов жизни. Лишь у ручья по-прежнему лежал крупный белый камень и вокруг него густо росла расчесанная трава.

Жаль, что никто не знает, где живет ведьма Юмдолгор. Я звал ее по воде, но только шелест кедровых веток был мне ответом. Где ты, старая ведьма? Передай моей Минжурме, что я жду ее. Жду мой нежный подснежник.

Майк Гелприн

Гамельнский крысолов

идут по лесу братья гриммы и вырубают топором всех тех кто был уже написан перром – Елена Якимова —

Сказочник

Не так все было, совсем не так.

В те смутные, темные времена косила горожан и селян чумная язва. Хоронились в чащобах и наводили моры, порчи да сглазы ведьмы и колдуны. Лакомились человечиной в урочищах людоеды. Выбирались из болот и садились на проезжие тракты разбойники. Бесчинствовали в горах злобные карлики-гномы. Подстерегали неосторожного путника упыри и оборотни. Торговали живым товаром ганзейские купцы с марокканскими: юнцов отдавали в смертники-гребцы на галерах по сорок талеров за голову, девиц – в гаремные наложницы по двадцать пять. Письмом владели лишь грамотеи, немногочисленные, по пальцам считанные. Так вот: не так все было в те времена, совсем не так.

Предания кочевали из уст в уста. От косного отца – к невежественному сыну. От выжившей из ума бабки к хворому умом внуку. От запойного мейстерзингера – к гулящей девке, а от нее – к проезжему ухарю с клинком на поясе, удав-

кой за пазухой и дагой в рукаве. Имена в преданиях сохранились, а поступки и события истаяли, прохудились от времени, обросли небылицами и нелепицами. Такими и дошли до нас легенды и сказки: умильными, слащавыми, несуразными, с давно и напрочь потерявшейся истиной.

Не так оно все было. Совсем не так.

Флейтист

Флейтист подошел к Западным воротам на рассвете, едва отзвенели колокола церковей Святого Иоанна и Святого Бонифация. Был он долговяз и мосласт, ряжен в пестрый, не раз штопаный плащ, а лицом, хищным, скуластым, с низким покатым лбом, походил на волка.

Шел на излом июнь. С первыми лучами нежаркого еще солнца пробуждался ото сна славный город Гамельн.

– Кто таков? – шагнул навстречу пришлому стражник.

У Флейтиста было много имен. В бременских воровских притонах его называли Ведьмаком, в гамбургских портовых доках – Живорезом, а в лейпцигской тюрьме и на нюрнбергской каторге – и вовсе Изувером. Представиться одним из этих имен, однако, было неразумно, да и отвечать правдиво Флейтист не привык, но на этот раз доля истины в его ответе все же была.

– Я слышал, – хрипло поведал пришлый, – что в Гамельне несметным числом расплодились крысы. Об этом говорят в Силезии, Тюрингии и Пфальце. Я – крысолов.

Крысоловом Флейтист стал недавно. Сразу после того, как ударил по рукам с ганзейским купцом, назвавшим на товар цену. С учетом сделок, заключенных ранее с брауншвейгским людоедом, гольштейнским колдуном и мекленбургской ведьмой, Флейтист намеревался стать обладателем немалого состояния. Оно должно было обеспечить сытную и почтенную старость в краях, где не успел побывать, и потому местные жители не шарахались в ужасе от одного лишь упоминания какого-либо из его имен.

– От крыс спасу нет, – подтвердил стражник, коротко поклонился и шагнул в сторону. – Проходите, почтенный.

Флейтист, которого почтенным назвали впервые в жизни, поклонился в ответ и ступил в город. До полудня он методично обходил улицы и площади. Завязывал беседы с прохожими, выслушивал жалобы на крысиное нашествие, обещал помочь. Затем переводил разговор на иную тему. Интересовали Флейтиста юнцы и девицы, о них исподволь и осведомлялся. Сочувственно качал головой, цокал языком, тяжело вздыхал, выслушивая истории про бедняцких детей, сирот, калек и юродивых. Присматривался и запоминал. Вестерторштрассе – дочь каменщика, сыновья зеленщика, падчерица мясника. Крамерштрассе – дети лесоруба, мельника, цирюльника, рыбака. Юденгассе, Мюнстеркирхоф, Хафенплац – потомство шорника, ткача, таннера, звонаря, сборщика мусора.

Когда солнце водворилось в зените, выбрался Флейтист

на Маркплац. Здесь в соседстве с городским рынком и кирхой Святого Якова стояла ратуша, резиденция гамельнского бургомистра.

Слыл глава города непревзойденным плутом, мошенником и проходимцем, что Флейтиста вполне устраивало.

– Сколько заплатите, достопочтенный, – осведомился он, испросив у бургомистра аудиенцию, – если избавлю город от крыс? И от мышей заодно, чтобы не хлопотать дважды.

– А сколько влезет в вашу торбу, – пообещал бургомистр, – столько и уплачу.

– Весьма щедрое предложение, – не стал торговаться Флейтист. – Благодарю вас, достопочтенный, меня оно безусловно устроит.

Он согласился бы, даже предложи бургомистр в уплату три пфеннига. По словам ганзейского купца, получить с пройдохи за труды можно было разве что отрывку от брецеля.

Синдерелла

Синдереллу с Вестерторштрассе по прозвищу Золушка, лесоруба покойного дочку, люди знали и привечали. Хороша собой была Синдерелла, белокурая, голубоглазая, стройная, легкая на ногу и нравом. А еще улыбчивая, скромная, слова дурного не скажет. И невезучая: злобная мачеха с вздорными сводными сестрами обращались с ней как с приживалкой, занятой черной работой прислугой. Бранили скверно.

Бывало, и поколачивали.

Парни на Синдереллу заглядывались. И хилый, тонкий в кости умница Якоб. И верзила, силач и отчаянный про-стак по прозвищу Храбрый Ганс. И старший сынок пропой-цы-закройщика, коренастый хитрован и ловкач, которого то-же звали Гансом, но чтоб отличить от других Гансов, кото-рых в Саксонии каждый второй, большей частью именовали Портняжкой.

Подтянутый, жилистый трудяга Гюнтер вообще рискнул однажды к Синдерелле посвататься. Два года тому получил он небольшое наследство, приумножил его, разбогател и те-перь искал себе пару.

– И сколько дашь за нашу замарашку? – подбоченившись, осведомилась у Гюнтера Золушкина мачеха. – Задешево не отдадим.

– Сто талеров.

– Нашел дуру. Тысячу!

– Из уважения к вам сто один.

– Девятьсот девяносто девять!

Они торговались с рассвета до заката и только собрались было ударить по рукам, как на крыльцо выскочила, чтобы вылить ведро с помоями, Синдерелла.

– Я не пойду за него, – заявила она. – Даже не заикайтесь об этом.

У мачехи от изумления и негодования отвалилась редко-зубая челюсть: падчерица проявила характер и оказала со-

противление впервые в жизни.

Причиной тому была заезжая нищелюбка и шарлатанка по прозвищу Добрая Фея. Поговаривали, что в юные годы была Фея пьющей и гулящей девкой, но однажды раскаялась и теперь искупала грехи: наводила на людей сладкий морок, утешала наивных девушек и пророчила им в мужа не абы кого, а всамделишных принцев.

Фее верили, особенно после того, как та заморочила толпу гамельнцев, выдав юркнущую прочь из тыквенной кожуры мышь за впряженную в щегольскую карету лошадь. Принца Фея наобещала не только Синдерелле, но и лохматой голо-систой Рапунцель с Юденграссе, и ладной красавице Бриар Роуз с Брюкенштрассе, и бездомной замухрышке Жемчужине, и много кому еще. Откуда возьмется столько принцев, когда один и тот – невиданная редкость, Фея не уточняла, но нижнесаксонские девушки были созданиями столь доверчивыми и романтичными, что верили всяким вралям и проходимцам на слово.

Флейтист

Враль и проходимец Флейтист, он же Крысолов, он же Ведьмак, он же Живорез, он же Изувер вышел на гамельнские улицы на закате, когда усталое солнце нехотя завалилось за неровную кромку леса, подступающего к западной окраине, а на востоке всплыла на замену полная луна.

Играть на флейте учил Крысолова не какой-нибудь бродячий трубадур или мейстерзингер, а сама фрау Труда, злая швабская ведьма, умеющая магией музыки превращать людей в пни и палые сучья. Немудрено, что были в арсенале Крысолова мелодии колдовские, завораживающие, морочащие. Он поднес флейту к губам и запетлял по городским улицам и проулкам, смещаясь с запада на восток. Подгоняемые переливом трелей, тонко пища, шаркая и царапая уличную брусчатку миллионами когтистых лап, трусили перед Флейтистом полчища крыс и стаи мышей. Но не только они. За его спиной покидали развалюхи, халупы и хижины, строились в колонну и покорно шагали вслед за музыкантом бедняцкие дети. Их матери и отцы, отчимы и мачехи замороженно смотрели, как уходят крысы. Как уходят дети, они не видели – морок застил глаза.

Когда Флейтист выбрался на Остерштрассе, крыс с мышами собралось несметное множество, а бедняцких детей – сто тридцать душ. Когда миновали расступившуюся стражу у Восточных ворот, стаи одна за другой бросились в Везер и потонули. Недоросли же вслед за Флейтистом поднялись на мост, пробрели по нему над рекой, добрались до опушки и растворились в окутавшем лес темном зловещем мареве.

Красная Шапочка

Первой почуяла неладное дочка пекаря с южной окраи-

ны, рыжая, неопрятная и тугая на ухо толстуха в обносках. Была она из иноземцев, изъяснялась лишь по-французски, немецким не владела, а нижнесаксонским диалектом – тем более. Что лопочет толстуха, никто не понимал, потому и друзей-приятелей у нее не было. Даже имени ее люди не знали и называли за глаза Красной Шапочкой, из-за охряного ночного чепца, который она и днем не снимала.

Поскольку слышала тугоухая Шапочка скверно, музыка морочила ее не так шибко, как остальных-прочих. Прошагав с полчаса, очухалась она и ломанулась из покорно плетущейся за Крысоловом колонны прочь. Схоронилась в кустах, выждала, пока перелив флейты не умолк. Тогда Красная Шапочка огляделась, заметила на северо-западе мятущийся в ночи огонек и двинулась к нему, осторожно ступая под мертвенным светом полной луны. Вскоре выбралась она на лесную поляну, по центру которой стоял аккуратный бревенчатый домик. Свечной огонек метался в прорезанном в торцевой стене круглом окошке.

В домике жил вервольф, выдававший себя за лесничего. Лицедействовать было несложно, потому что большую часть времени он пребывал в человеческом облике и походил на безобидного, благообразного старикашку. Однако раз в месяц, в полнолуние, ровно в полночь, вервольф оборачивался и до рассвета рыскал по лесу в волчьем обличье в поисках, кого бы сожрать. На свою беду, Красная Шапочка постучала в дверь аккурат за пять минут до полуночи.

– Куда путь держишь? – осведомился вервольф, с трудом сдерживая готовую начаться метаморфозу, и, уразумев, что его не слышат или не понимают, проорал тот же вопрос на семи языках.

– К бабушке! – обрадовалась пришедшая, распознав среди них французский. – Она где-то тут неподалеку живет, в брошенной мельнице на речной излучине.

– Выйдешь, по левую руку будет тропа, – из последних сил сдерживая звериную сущность, прорычал вервольф. – По ней и ступай. Быстро! Пошла вон!

Когда за незваной гостьей захлопнулась дверь, он опустился на четвереньки, закричал, заперхал, застонал и в пять минут обернулся.

Догнать и сожрать толстуху новоиспеченный волк мог в два счета, но рассудил, что не повредит сделать запас. Старуха, что проживается на заброшенной мельнице, наверняка костлява, а потому сгодится в засол. Внучкой же можно поживиться в сыром виде, пока свежая. С обильным жирком, теплой еще требухой и горячей кровью – все, как вервольф любил. Главное – успеть управиться с обеими до рассвета.

Он выскочил из домика лесничего и припустил в лес. На брошенной мельнице оказался на полчаса раньше Шапочки. Перегрыз горло старухе, дождался внучку, аккуратно ее задрал и принялся насыщаться.

– Воняет шибко, – ворчал вервольф, поглощая почки, печень, матку, кишечник и сердце. – Неряха немытая, потная.

Но вкусная, не отнять.

Он увлекся, пока смаковал филейные части, высасывал мозги и грыз хрящи. Как занялся рассвет, не заметил. Когда первые солнечные лучи шарахнули по глазам, охнул с испуга и стал оборачиваться. И не успел.

Сказочник

Байки да сказки, дотащившиеся до наших дней, уверяют, что заглянувшие на мельницу лесорубы, а может, охотники вспороли волку брюхо, и Красная Шапочка вдвоем со старухой дескать оттуда вылезли. Это, стесняюсь сказать, херня. Охотник и вправду замахнул однажды на мельницу по нужде. Он едва не задохнулся от смрада. Бабка к тому времени уже основательно сгнила и протухла. А на соломе в углу лежал издохший волчара с человеческими ногами и в красном ночном чепце.

С-пальчик

Узколищый, прилизанный коротышка-недомерок походил на уродливого хорька. Был он сынком вора и мошенницы, что ютились в хибаре за городской окраиной у Восточных ворот по соседству с конокрадами, браконьерами и прочим сбродом. Имя свое коротышка скрывал и известен был лишь по воровской кличке – С-пальчик. Поговаривали, что так его нарекли не столько из-за малого роста, сколько потому, что в искусстве стянуть с пальца у зеваки золотое колечко, а то

и перстенок недомерок равных себе не знал.

Колдовская музыка на С-пальчика особого впечатления не произвела, и к беглецам он примкнул лишь в надежде чем-нибудь пожитьяся. Протопав по лесу среди попутанных мороком час-другой, С-пальчик убедился, что ловить тут нечего: пожитьяся можно было разве что загаженным от страха исподним. Поэтому, когда полную луну заволокло тучами, коротышка юркнул в заросли можжевельника и был таков.

Леса он не боялся, лихих людей тоже. И поскольку лихим был сам, и оттого, что с лесными разбойниками не раз бражничал, а главное, потому что сбежать откуда-то было для С-пальчика делом привычным и плевым. Мутер с фатером не раз продавали его в услужение богатеям, и день-два спустя недомерок неизменно возвращался под отчий кров, не забыв прихватить с собой серебряный подсвечник, расписную шкатулку, а то и ларчик с золотой брошкой, браслетиком или сережками.

Завалившись под куст, С-пальчик прохрапел до рассвета, затем продрал глаза и, насвистывая, двинулся в обратный путь. В город он подоспел, когда солнце шпарило уже всю. Стражники, выстроившись в ряд, переминались с ноги на ногу у Восточных ворот, а бургомистр, разъяренный тем, что его обвели вокруг пальца, суетливо бегал вдоль строя, грозясь, бранясь и сыпля проклятиями.

– Ага, знакомая рожа! – завидев выбравшегося из леса

С-пальчика, рывкнул бургомистр. – Этот наверняка в доле. Взять его! Пороть мошенника плетью, пока не развяжет язык!

К полудню, когда на заднице коротышки не осталось живого места, а язык у него так и не развязался, глава города наконец смилостивился и велел гнать негодяя взащей. К тому времени он уже уразумел, что потерю город понес невеликую: бедняцкие дети мало кому были нужны, кроме породившей их голытьбы, а зачастую и ей не нужны также.

– Больше не попадайся! – велел бургомистр С-пальчику на прощание. – Не то велю изуродовать.

Коротышка поблагодарил, обещал исправиться и миг спустя сгинул, как не бывало. Угрозы он не боялся, потому что уродлив был и так, а городские власти ни в грош не ставил. Для него, единственного из всех, визит Крысолова закончился без последствий, если, конечно, не брать в расчет поротую дупу.

Флейтист

Когда рассвело, Крысолов пересчитал беглецов по головам и двоих таки недосчитался. Он произвел в уме нехитрую калькуляцию. С колдуном Флейтист сговорился на пару дюжин, с ведьмой – еще на полторы, людоед заказал десяток душ поупитаннее. Гномы не определились и решат, сколько товара возьмут, лишь когда увидят его, ошупают, обню-

хают и прикинут цену. Этим подавай лишь писанных красавиц, а таких тут по пальцам пересчитать. Допустим, полдюжины наберется. На долю ганзейского купца остается семь десятков голов, если считать без усушки с утруской. Однако их как раз не избежать: кто-то наверняка помрет по пути от хвори, а кто-то сбежит, как те двое, за которыми Флейтист не углядел.

Потери необходимо было снизить до минимума: терпеть убыток Флейтист не любил и не собирался. Побег следовало пресечь на корню, а для этого принять меры превентивные и решительные. Он придирчиво осмотрел заморенных, улегшихся с устатку в траву беглецов и взглядом выцепил среди них неказистую прыщавую замухрышку с культиями вместо рук.

Была замухрышка из семьи нищих попрошаек, у которых и дома-то своего не водилось, а потому ютились они по ночам где придется, а днем христарадничали по трактирам, дворам да на церковных папертях. Не гнушались и уворовать, что плохо лежит, чтобы потом продать на рынке. Замухрышка на покраже однажды попалась, а объект при этом выбрала неудачный: пьяного вдрызг заезжего рыцаря-крестоносца. Тот долго думать не стал, а махнул пару раз клинком, отсек воровайке обе руки по самые плечи и примерился уже было отсечь башку, но трактирщик вовремя оттащил. С тех пор прозвали неудачливую крадунью Безручкой, так и величали, презрительно при этом поплеывая.

– Эй ты! – гаркнул Флейтист, тыча в сторону калеки пальцем. – А ну, пойди сюда!

Церемониться с безрукой девкой он не стал. Живорезом и Изувером называли Флейтиста в тюрьмах и на каторгах не абы за что, а по делам его. Вот и сейчас расправился он с Безручкой сноровисто, деловито и без сожаления. Выколол ей глаза, отрезал язык, отгрыз нос и уши, раздробил коленные чашечки, вспорол живот и, наконец, неспешно, обстоятельно удавил.

– Так будет с каждым! – пообещал Флейтист обомлевшим от страха пленникам. – Любого, кто решит свинтить, поймаю и буду мучить, пока не сдохнет. А если кого не поймаю, к чертям в пекло отправятся вместо него трое других. Ясно вам?

Сказочник

До наших времен дошли несуразицы, будто убиенных случайно или по необходимости беглецов спасли добрые волшебницы, феи, отважные короли да принцы, странствующие рыцари на худой конец. Это, со всей ответственностью заявляю, херня. Во времена средневековые, смутные извечная борьба зла с добром и тьмы со светом заканчивалась почти всегда победой зла и тьмы. Доброта и жалость были невыгодны и оттого не в чести. Не до них людям было, самим бы прокормиться и уцелеть, вместо чтоб кого-нито убересть, выручить или облагодетельствовать. Добрые колдуньи, благород-

ные принцы и чудаковатые рыцари по лесам, конечно, шатались, но было их ничтожно мало, да и откуда, спрашивается, этой братии взяться? Это сегодня филантропы, меценаты и самаритяне расплодились на обильных харчах и жируют себе от пуза. А в тогдашние времена не до сострадания, жалости и геройских поступков было. Не до чужих несчастий и бед, собственную бы шкуру спасти да поплотнее набить карман.

Портняжка

Брауншвейгский великан-людоед был краснорожим, бородатым и привычки имел скверные. С Флейтистом водил дружбу давнюю, в основном из общности характеров и взглядов на жизнь.

– Товар? – осведомился людоед, облапив Флейтиста и дружески похлопав того по спине.

– Имеется. Десяточек для тебя отобрал, которые покруглее.

– Напомни, почем договор был, – попросил людоед. – Память что-то сбоит, костоправ из Ганновера сказал, надо бы жирное ограничить. А как тут ограничишь, привык уже, душа просит.

– Понимаю, – посочувствовал Флейтист. – По двадцать талеров за штуку мы договаривались. Но с учетом старой дружбы пускай будет по девятнадцать.

Великан развязал кошель, рассчитался, на том и расстались.

– Значит, так, – сказал людоед, загнав десяток бедолаг в темную, вонючую, захламленную человеческими костяками да черепаами пещеру, в которой обосновался. – Потреблять вас буду по одному, раз в сутки, на ночь. Но каждому сначала подарю шанс. Кто меня победит, того, так и быть, отпущу. Добровольцы есть?

– Есть, – подался вперед верзила, силач и простофиля по прозвищу Храбрый Ганс. – Как биться будем?

Людоед хохотнул:

– Без разницы это. Как вымолвит твой рот.

– Тогда на кулаках.

Добрый час метелил Храбрый Ганс людоеда. И в брюхо его ногами пинал, и кулачищами мордовал, и по придаткам с разбегу башкой не раз заехал. Все без толку: стоял великан себе на месте да похохатывал. Потом набылчился, воздух в себя всосал, левую ноздрю пальцем заткнул, а из правой высморкался. Прилетела сопля Гансу в грудь, смяла ребра, ключицу и перешибла надвое позвоночник.

– Жилист больно, – жаловался людоед, поглощая Гансовы конечности, ягодицы и гениталии. – Деликатесом тут и не пахнет. Бычара тот еще, а вкус как у мешка с дерьмом, не противно ли?!

На следующий день другой Ганс вызвался, по прозвищу Глупак. С ним на кто громче рыгнет бились. Два часа старался Глупак, всю округу заблевал и насмердел так, что птицы на ветвях сдохли. Настала очередь людоеда. Всего раз вели-

кан рыгнул, восемнадцать дубов окрест попадали, у западного холма вершину снесло, а восточный напополам раскололся.

– Этот получше будет, – нахваливал великан, запивая Ганса Глупака бражкой. – Правильно друзья-людоеды говорят: чем дурнее, тем вкуснее.

Так девять суток великан пировал, пока не остался последний в меню – сынок запойного закройщика, хитрован Портняжка.

– Ну-с, – приступил к делу людоед, – биться будем? Или сразу сдашься, тогда и пыхтеть не придется.

– Будем, – ответил предстоящий ужин. – Видишь тот камень? Бежим до него наперегонки. На месте стоять нельзя. Победит тот, кто придет последним.

Как ни тщился людоед семенить да топтаться, как ни старался, ножищи здоровенные подвели. Опередил он Портняжку, отдышался и оглядел победителя с уважением.

– Твоя взяла, – признал великан. – Ступай на четыре стороны. Но уважь старика напоследок. Давай еще разок во что скажешь, на просто так, реванш взять желаю.

– Давай, – согласился Портняжка. – Кто больше грибов за минуту сожрет, тот и победитель.

Нарвал он грибов, запихал в два лукошка поровну. В одно – опята да рыжики, в другое – бледные поганки. Хватанул пригоршню поганок людоед, забросил в рот, проглотил, вторую засосал, третью. А четвертую даже до рта не донес.

Скрутило его, в бараний рог завернуло. Печень с почками отказали враз, треснули, желчь с мочой по артериям разлились, через минуту издох.

– Людоед умер, – задумчиво проговорил Портняжка. – Что ж, да здравствует людоед!

С тех пор жизни окрестным крестьянам совсем не стало. На что злобен и свиреп был прежний людоед, а новый в десять раз поганее. Налогами всю округу Портняжка обложил, оброками с податями замучил. Так было, пока девку себе не нашел, кочевую цыганку из табора. Та его за неделю и извела, а как именно извела, то неизвестно. Сплетни ходят: засношала, затрахала до смерти. Девки – они это могут, а цыганки в особенности.

Сказочник

Сегодня, когда нехоженных мест не осталось, когда обветшали замки, слетели с тронов короли и перевелись рыцари, многие думают, что в преданиях, легендах и сказках сплошное вранье, стопроцентное. Что нет и никогда не было ведьм, колдунов, оборотней, гномов. Это, дорогие современники, полная херня. Разумеется, они были. Куда подевались, вы спрашиваете? Я отвечу.

Колдунов и ведьм искоренила на кострах инквизиция, которую самую потом искоренили. С оборотнями покончили расплодившиеся числом несметным людишки. На красные

флажки их гнали, серебряными пулями на бегу валили, осиновыми колами добивали. С гномами же история позаковыристее.

Вам, премногоуважаемые, гномессу видеть когда-нибудь приходилось ли? Виноват: глупый вопрос, разумеется, нет. Поверьте тогда на слово: были гномессы не просто дурнушками, а страшными уродками, сварливыми стервами с дурными манерами и волосатыми ягодицами. Теперь представьте себя на месте гнома. Если выбор есть между гномессой и человеческой девкой, на кого вы, стесняюсь спросить, позаритесь? Даже если девка большая редкость и одна на всех. То-то.

Белоснежка, например, одна на семерых пришлась. Была она стройна, белокожа, чернява, с губами алыми, как горный мак. Но попробуй сохрани красоту и молодость, когда живешь с семьей грубыми и уродливыми мужланами. Источала Белоснежка, истаяла. Кожу белую прыщи потратили. В черные локоны седина пробилась. Губы алые выцветать стали. А еще – полнеть талия, обвисать сиськи, ну и не забудьте про целлюлит.

Долго гномы раздумывать не стали. Шлепнули они Белоснежку, заморозили и уложили в хрустальный гроб. Так и пользовали всей толпой, с вазелином. А очухались, лишь когда у гномесс климакс настал. Спихватились, да поздно было.

Флейтист

С голыштейнским колдуном и мекленбургской ведьмой знакомство Флейтист водил давнее, временем проверенное, на крови замешанное. За друзей ни того ни другую не держал, но относился со всем уважением. Товар, как сговорились, доставил, с рук на руки сдал и гонорар получил исправно.

– За этой особый присмотр нужен, – предупредил ведьму Флейтист, кивнув на лохматую и голосистую дочку садовника Рапунцель. – Дерзка девка, нахальна и на передок, похоже, слаба.

– Да? – удивилась ведьма. – Совсем как я в молодости. Даже на вертеле такую жарить зазорно. Может, подружке перепродать, Старой Труде в Швабию, например?

– На чердаке запри, – посоветовал Флейтист. – Пускай лет десять-пятнадцать взаперти поскучает, авось присмирееет, а там решишь.

– И то дело, – кивнула ведьма. – А не прохудится со скуки-то? Девка пухлая, сисястая. Если иссохнет да зачахнет, обидно будет.

– А ты ей задачу поставь, – дал новый совет Флейтист. – Видишь, лохмы какие с патлами? Пообещай, что, если из чердачного окна до земли дорастут, от тебя ей будет презент. Авось не зачахнет. А невоготу станет, пускай песни поет. Голос у нее, будто у мартовской кошки при виде кота. Виз-

жит так, что желуди с дубов облетают.

– Полезное свойство, – согласилась ведьма. – А насчет этих что посоветуешь? – махнула она рукой в сторону остальных новоприобретенных.

– Насчет них ничего, – развел руками Флейтист. – Обычные лоботрясы и бездельницы. Человеческий мусор.

Ведьма задумчиво пожевала дряблыми старческими губами:

– В летучих мышей превращу, пожалуй. Или в сов. В змей что-то не хочется: не люблю их, ползают, шипят, линяют, жалят. Ладно, приятель, бывай, что ли, рада была повидаться.

В отличие от ведьмы, с колдуном разговор вышел у Флейтиста короткий.

– Хороший товар, гладкий, – похвалил колдун. – Новость-то слышал?

Флейтист пожал плечами.

– Смотря какую.

– Значит, не слышал. О пустяках я бы и поминать не стал. Добрый Волшебник в лесах объявился. Откуда взялся, пес его знает. Но творит такое, что дупы у порядочных людей смрадным паром исходят. Ты поостерегись, если что.

Флейтист хмыкнул.

– Пускай он сам поостережется.

Добрый Волшебник

Был Добрый Волшебник ростом велик, статен, черноволос. На поясе носил клинок с резной рукоятью в шитых серебряным бисером ножнах.

На перекрестке проезжего тракта с тропой, что протоптали в дремучем лесу разбойники, Волшебник настиг Флейтиста. Был октябрь. Моросил косой дождь. Пахло хвоей, палой листвой и человеческим страхом. Тучи сизой ватой застили солнце.

– Стоять! – гаркнул Волшебник, соскочил с лошади и двинулся Флейтисту навстречу. – Давно за тобой гонюсь. Дрянной ты человечиска, гадкий, пробы ставить негде.

– Дрянной, – согласился Флейтист. – Гадкий. Негде. И что с того?

– Куда людей гонишь? – махнул рукой Волшебник в сторону не проданного еще товара. – Честно отвечай: я таких, как ты, насквозь вижу. Соврешь – не унесешь головы.

– Вот как? – хмыкнул Флейтист. – Бременские воры называли меня Ведьмаком. Твои чары против моих, твоя сила против моей. Думаешь, сдюжишь? Если да, ты, выходит, глупец.

Добрый Волшебник не стал отвечать, выдернул из ножен меч, рубанул наотмашь. С неба зигзагом шаракнула молния.

Флейтист рванулся, скользящим уходом вывернулся из-под удара. Отскочил назад. Правой рукой вырвал из-за пазухи обернувшуюся клинком флейту. Из левого рукава скользнула в ладонь дага, шелкнула, разошлась в триглав. На-

встречу молнии метнулся от земли фаербол, перехватил, развалил в россыпь серебряных искр.

Клинки схлестнулись раз, другой. Третий выпад Флейтист словил дагой. Шатнулся в сторону, обрушил на противника флэт. Волшебника смело, швырнуло в грязь. Меч отлетел в сторону, зазвенел о придорожные камни.

– Так-то лучше будет, – усмехнулся Флейтист. – А я ведь предупреждал. Добить тебя?

Волшебник завозился в грязи, затем с трудом поднялся на ноги.

– Убедительно, – сказал он. – Что ж, давай поговорим мирно. Итак: камо грядеши?

– Другое дело. – Вновь ставший флейтой клинок нырнул Флейтисту за пазуху, дага сложилась и скользнула обратно в рукав. – В славный город Любек грядеши. Ганзейский купец дает за товар хорошую цену.

Добрый Волшебник пристально взгляделся в поредевшую колонну гамельнских беглецов.

– Сколько купец платит за голову?

– Зачем тебе? – небрежно бросил Флейтист. – Впрочем, изволь: тридцать талеров за юнца, пятнадцать за девку.

– Я перебую его цену. Плачу по сотне за душу.

Флейтист подобрался, расправил плечи.

– Я слышал, такие, как ты, считают таких, как я, последней мразью. Думаешь, честь для меня пустой звук? Ты ошибаешься, святоша. Мое слово крепко, если дано своим.

– Плачу за каждого тысячу.

– Нет.

Добрый Волшебник с минуту молчал, думал. Затем шагнул к пленникам.

– Ты кто? – спросил он ладную, белокурую и голубоглазую девушку. – Расскажи о себе.

– Меня зовут Синдерелла, мой господин, а люди еще называют Золушкой. Год назад Добрая Фея напороочила мне в мужья принца. Я поверила и отказала жениху, честному парню из Гамельна, который собирался уплатить мачехе за меня выкуп. Я ошиблась, мой господин. Гюнтера уже, наверное, нет в живых. И Белоснежки нет, и Жемчужины, и Рапунцель, которым Фея наобещала в суженые принцев и королей. Я последняя еще жива и расплачиваюсь за свою ошибку.

Волшебник скорбно помотал головой.

– О Фее я слышал, – пробормотал он. – Сбрендившая шарлатанка из Дрездена, ни слова правды. Но кое-что она, возможно, и угадала. – Волшебник обернулся к Флейтисту. – Здесь семьдесят душ. Назови свою цену. Сколько хочешь за всех?

– Нисколько. Ты разве не понял: я дал слово чести. Тебе его не сломать.

– Хорошо, пусть так. Но позволь мне хоть одну из них выручить. Иначе какой я Добрый Волшебник, если даже этого не могу сделать? Вот эта девушка, Синдерелла. Сколько возьмешь за нее? Называй любую цену.

– Ты пытаешь мое терпение, святоша. Я уже сказал: нет.

– Ладно. Забудь про деньги. Что, если я предложу тебе за нее тысячу лет?

– Каких еще лет? – не понял Флейтист.

– Тысячу лет жизни. Я забираю девушку и отдаю тебе взамен свою жизнь. Мне останется лет двадцать-тридцать, но это неважно. Остальное уходит тебе. Устроит?

Флейтист недоверчиво скривил губы, затем сплюнул в грязь.

– Ты врешь. Считаешь меня глупцом, которого можно обвести вокруг пальца.

– А ты рискни, – предложил Волшебник. – Ты ведь рискованный человек, не так ли? Если не вру, ты сорвешь куш, который иначе никогда бы тебе не выпал.

Флейтист переступил с ноги на ногу, затем вскинул голову. Он смотрел теперь на Доброго Волшебника в упор.

– Что ж, считай, ты надул меня, – неторопливо проговорил Флейтист. – Я рискну: один разок поступлюсь честью. Забирай девку. Может быть, ты и есть тот принц, о котором ей соврала шарлатанка?

Волшебник тяжело вздохнул.

– Может быть, – сказал он. – Но этого ты уже не узнаешь.

Сказочник

Не так все было, совсем не так.

Не так, как писал француз Перро, германцы Гримм, русский мужик Афанасьев и много кто еще. Имена давно ушедших сохранились в истории, события и поступки – нет. Грязь, ложь и кровь всегда держали верх над добронравием, совестью, умильностью. В поединке между добром и злом всегда побеждало зло. Хорошо, пусть будет почти всегда.

Людишек калечили, уродовали, насильничали и убивали во все времена. Их и сейчас все еще калечат, уродуют, насильничают и убивают, что уж говорить о делах, творившихся в Средние века, темные.

Мне уже недолго осталось. Годков двести, может быть, двести пятьдесят, я немного сбился со счета. Но пока я еще жив, пускай люди узнают правду.

Вот она, запомните: не так все было, совсем не так.

Сказочник, он же

Флейтист, он же

Крысолов, он же

Ведьмак, он же

Живорез, он же

Изувер, он же

доцент Рене Дюваль, Сорбонна, Париж, он же

профессор Дитрих фон Бауэр, Университет, Мюнхен,

он же

академик Петр Кузнецов, РАН, Москва.

Ярослав Землянухин

Никодим и перунов цвет

– А еще есть у них телега чудная! А под ней, слышь, Торчин, котел кипит пуще твоего самовара, пар столбом валит... И возище-то этот, пыхтит да грохочет, сам по дороге пылит!

– Без лошади? Неужто ж так бывает?! – Торчин грохнул кулаком по столу. – Хорош уже языком чесать! Где такое видано, чтобы телега сама собой катила? Всю жизнь плотничаю – никогда такого не было!

Хозяин с гостем выпили еще. Вечерело. Никодим почуял, как на улице зашевелилась нечисть, которая от света прячется да ночной жизнью живет.

– А еще лягушек они жарят и едят. Бурду свою пьют и лапками лягушьями закусывают, – продолжал гость.

Торчин воззрился на него:

– Да что же ты, Ефим, предлагаешь мне гадов жрать?

– Ты на меня не лютуй, лучше капусточки вот прими, даром что твоя хозяйка справно квасит. Завсегда лучше, нежели лягушачье варево.

Оба усердно захрустели квашеными капустными листьями.

– Мы, когда в море ходили, такую же квашню запасали.

Без нее на корабле туго – от скорбута ноги пухли да каменели, ровно колоды, а зубы и вовсе шатались, дак и повываливались.

– Это же куда ты по морю ходил-то?

– А от града Гамбургского да аглицких берегов добирались.

«Служивый человек, видать, мореход какой», – решил про себя Никодим.

Ему нравилось слушать этот неспешный разговор про дальние страны. С тех пор, когда ведьма Анисья утащила младенчика, чем нарушила зыбкий порядок в доме, а Никодим был вынужден отправиться на его поиски, с того дня он знал, что мир за пределами родного дома огромный и разный. А с ребеночком все теперь в порядке, окрестили, назвали Лукой, только странный он, особенно в новолуние. Никодима, конечно, поначалу эти странности пугали, но дом дышал спокойно и размеренно, а значит, сам дом Луку принял и беспокоиться не о чем.

Тем временем Торчин с мореходом поговорили еще, как живут в далеких землях, и вот гость засобирался.

– Дочка у меня болеет, не могу на ночь оставить. К старцу ее везу. Говорят, что ходит по Руси такой, Панкратием зовут, только он и может дочку исцелить. Даже шепчутся, что сам он носит духов нечистых под веригами, от того и сила его.

Пошатываясь, Ефим поднялся, хрустнул суставами, сделал несколько неуверенных шагов и, споткнувшись, полетел

лицом вперед. Если бы не выставил руки перед собой, то наверняка приложился бы об пол. Что-то звякнуло и покати-лось под лавку, но ни хозяин, ни Ефим этого не заметили.

Торчин качался, но помог гостю подняться, долго прово-жал, обнимался с ним в сенях, звал в гости снова, но тот со-слался, что завтра поутру ему снова в путь. Наконец дверь хлопнула.

– Бать, а бать! – сонно прогнусавил с полатей Иван. – Был я давеча на постоялом дворе, так нет с ним никакой дочери. Видел только, как из егошней телеги холопы черный ящик вытаскивали. Больше никого не было.

Но Торчин уже растянулся на лавке и громогласно храпел. Вот и славно, лишь бы своими раскатами младенчика не бу-дил. Ничего, вроде засопел тише, успокоился.

Чудные рассказы, конечно, у этого гостя, только главного не сказал: какие дома там, в заморских странах? Есть ли там домовые, как Никодим? Или люди там, как птицы, на дере-вьях гнезда вьют? Это что же, лесовик за ними приглядыва-ет?

Дом обволакивал теплом и дарил спокойствие, но пора было браться за хозяйство, а не разлеживаться за печкой. Никодим вылез в комнату. Над ухом настырно звенел комар. Хвать его! Что же ты, колоброд, тут вьешься? Аккуратно, чтобы не повредить букашку, отворил дверь и выпустил в се-ни – все-таки живая тварь. Дверь всплакнула петлями. Зна-чит, надо смазать.

А гость-то, негодник, чем-то звенящим насорил. Что он там выронил?

Никодим скользнул под лавку, пошарил лапкой и наткнулся на массивное, холодное. Да это же перстень! Кто же будет таким сокровищем разбрасываться? Чудной, из тяжелого желтого металла – явно дорогая вещица. Глянь, и буквы какие-то есть, да только Никодим читать отродясь не умел – не его, домового, это дело – в книжицах мудреных копать. От перстня в лапке стало неудобно. Нет-нет, не надо нам тут чужого! Сегодня вещь посторонняя, а завтра уже хозяева другие. Вернуть бы моряку вещицу, да где его искать?

А пока в схрон можно спрятать. Никодим держал ценности в стене клуни, где Торчин молотил зерно, в закутке между бревен у той стены, которая от двора отвернута, никто туда не ходил, поэтому место было надежным. В тайнике лежали маленькие, но дорогие для него сокровища: понюшка табака в коробочке, костяной гребень, что ненароком уволок у ведьмы прошлой весной, моток ниток, крепких, как канаты, – нужная в хозяйстве вещица.

Чтобы выйти во двор, был специальный лаз, вход в который начинался в доме у пристенка, а выходил на улице под завалинкой. Конечно, как и любой домовой, Никодим мог воспользоваться печной трубой, но в ней шума больше, да и зимой, когда в печи жар стоит, по ней особо не вскарабкаешься.

Сжав перстень в кулачке, он выбрался на улицу, вдохнул

теплый летний воздух, послушал, как снаружи медленно дышит старый кряжистый дом, как от дуновения ветра шуршит спелыми колосьями ржаное поле неподалеку, залюбовался, как течет по двору лунный свет. Рысью пересек двор и оказался возле клуни.

Отсюда было слышно, как у соседей в хлеву недовольно мычит корова. И чего ей не спится?

Спрятав драгоценность – завтра решит, что с ней делать, – Никодим повернул обратно, но не тут-то было. В лунном свете ковыляла тень. Неужели младшенький снова из люльки выбрался? Да что же ты с ним будешь делать?! И полгода не прошло, как он встал на ножки, первые шаги начал делать, вот тогда странности и начались. Может, и вправду в нем ведьмачья кровь, как Анисья говорила? А та хоть и в Навь отправилась, да дело свое знала и словами сорить бы не стала.

Тут странное дело случилось. Однажды соседский кот Васька пробрался в дом, Лука в это время тарактушкой играл, а как кота заприметил, рукой махнул на него, тот сразу задом пополз и зашипел, будто черт лысый перед ним выскочил.

Вот и сейчас ребеночек сделал круг по двору, развернулся и уставился на Никодима. Неужто видит? Аж под кафтаном пот выступил. Нет, малышок смотрел сквозь домового. Но как смотрел! Словно чувствовал перед собой нечисть. И так каждую луну!

Вроде успокоился лунатик. Поковылял обратно в дом. Через его, Никодимов, скрытый лаз. Ведь нашел же!

Всю ночь под сердцем ныла тревога. Никодим пытался чинить половицы, потом выгребал золу из печного горнила, но работа не ладилась. К утру дочка Торчинова, Глашка, убежала на улицу. Потом вернулась с подругами. Хихикали и перешептывались. Никодим прислушался.

– А еще, – хитро прищурившись, говорила Глашка, – если найти перунов огнецвет, то можно любой нечисти приказывать, что лесовику, что домовому.

Никодим поежился: девчонка, нет слов, добрая душа, но чтобы она ему, домовому, приказывала?! Не бывать такому! Ни Глашка, ни кто другой!

Ох! Он хлопнул себя по лбу. Сегодня же ночь Купальская! Молодые будут костры жечь да мед пить. Конечно, если все запасы Торчин не вылакал в одну харю.

Девицы снова захохотали, чем и разбудили хозяйку. Той все равно пора было подниматься, чтобы кормить ребеночка. Гаркнула зычно на болтушек, они со смехом высыпали на улицу.

И тут снаружи раздался визг.

Никодим нырнул в печь, по трубе выскочил на крышу, отплевываясь от сажи, громко чихнул. Оглядел двор: все было спокойно. Бескрайнее поле ржи вдали колосилось в лучах летнего солнца, ветер танцевал на верхушках соцветий, а поверх виднелись домики соседских дворов и широкие лопа-

сти мельницы. Во дворе стоял Иван, старший Торчинов. Он только минуту назад рубил дрова, а теперь застыл с колуном, прислушиваясь к крику. Визг доносился с соседнего двора.

Ваня, видимо, раздумывал: бежать на подмогу или дальше колоть чурки. Наконец решился. Будь Никодим домовым, который не покидает своего жилища, он бы и ухом не повел, но теперь его мир был намного больше, чем окружающая двор изгородь и ворота, теперь-то он не так боялся высунуть нос за околицу, как раньше; поэтому на четырех лапках протарабанил по черепице, ссыпался по стене и, обратившись в паутину, прилип к холщовым штанам Ивана. Тот, конечно, не заметил и побежал к меже, по которой проходил хлипкий забор.

– Эй, вы чего голосите? – окликнул он соседей.

Из хлева высунулась соседка, за плечи она придерживала побледневшую дочку.

– Да Рябка наша, корова, издохла, а Нюрка как пришла ее доить, так и испугалась маленько.

Никодим отлип от штанины и ужом скользнул меж прутьев. Юркнул в хлев через дыру, которую подкапывали лисы по ночам.

Корова лежала внутри. Глаза закатились настолько, что видны были лишь белки с красными прожилками. Промеж зубов пенилась черная слюна. Рябка хрипела и испускала остатки дыхания. Немудрено, что Нюрка завизжала, от такого зрелища и домовому может поплохеть. Будто невидан-

ная сила иссушила корову дотла. Кто такое мог сотворить? Упырь с Соромных болот? Да не сунется он сюда. Никодим еще раз оглядел издыхающую скотину. А это что? На шее два малозаметных кровотокающих прокола, вот откуда неведомая нечисть выпила жизнь. Нет, это не упырь, у того пасть расхристанная и зубы гнилые торчат в стороны. Если такой куснет, то все тут в кровище будет.

Возвращался Никодим с мыслями об околевшей скотине. Не каждый день такое увидишь. Дома к полудню с пашни нагрянули мыши – пришлось с ними договариваться, откупаться мешочком зерна, которое набрал возле клуни.

Только они убежали, как раздался настойчивый стук в ворота. Кто-то громыхал тяжелым кулаком. Да что же за напасть такая?! Все сразу, все решили нагрянуть!

– Хозяин, открывай! – крикнул зычный голос.

Торчин, ошалелый после недавнего пробуждения, вывалился во двор:

– Кого там принесло?

– Да это же я! Ефим! Открывай, не укушу!

Снова гость вчерашний! Медом ему в Никодимовом доме намазано, что ли? Вошел. Ишь, вырядился! Сапоги чищенные, шапка с затылка свисает.

– Слушай, Торчин, ты, кажись, по телегам всяким мастер.

– Было дело.

– Так смотри, только я тронулся в дорогу, как под дилижансом захрустело. Кажись, ось преставилась. Она давно

скрипела. Вот и не выдюжила. Подсобишь?

– Не знаю, Ефим. – Торчин чесал затылок. – Я же дилижансу не видывал.

– Да то телега по-нашему. Я заплачу.

– Что же хорошему человеку не подсобить? Давай подсоблю. Если за деньги-то, – согласился хозяин.

Никодим призадумался. Странный день – сначала корова издохшая, теперь вот гость с дилижансом. Это потому, что ночь ведовская сегодня! Не к добру все.

– Тут еще такое дело, – продолжал Ефим. – Я перстень свой где-то оставил, ты у себя не находил?

– Не было ничего, я бы сразу тебе сказал, – отмахнулся Торчин.

Вот негодник, если бы он какую побрякушку нашел, то вовек бы не вернул.

– Ну извиняй, коли подумал на тебя.

Моряк хлопнул хозяина по плечу и скорым шагом покинул двор.

Про перстень-то Никодим и забыл! Надо было под ноги моряку подкинуть, а теперича что? Как вернуть? Может, Торчину сунуть тайком, чтобы он отдал? Да у него все карманы в прорехах.

Никодим метнулся к клуне, протиснулся меж изгородью и стеной. Не может быть – схран разворошили! На старых бревнах отчетливо видны следы когтей неведомой нечисти, которая по какой-то причине позарилась на тайник домово-

го. Тут валялись коробочка с понюшкой табака, костяной гребень, размотавшиеся нитки. А вот и злосчастное кольцо. Вроде ничего не пропало.

Домовой сгреб коробочку за пазуху, схватил Ефимов перстень. Скорее вернуть! Злая это вещица, нечисть ночную на себя позвала. Знал же, знал, что не к добру! Да где же теперь этого моряка искать?!

Пушистая тень мяукнула у изгороди. Васька, соседский кот, пожаловал. Хотел в дом по-тихому проскользнуть да его, Никодима, молоко воровать, занавески льняные своими когтищами портить. И тут пришла мысль.

Домовой, расставив лапки, пошел на кота:

– А ну-ка, сиволап, говори, бывал на постоялом дворе?!

Васька недовольно зашипел в ответ. Когтищи выпустил, шерсть вздыбил.

– Вижу-вижу, что бывал там.

Кот прыгнул, пытаясь обойти Никодима, но тот крепко схватил полосатого разбойника за ухо. Они покатались по траве, Васька пытался отбиться задними лапами, но домовой оказался ловчее. Выкрутил усатому уши, обездвижил, так что Ваське оставалось только сдавленно гудеть.

– Отвезешь меня, охальник, на постоялый двор, тогда и отпущу! – зашептал Никодим.

Кот еще пару раз дернулся, но куда ему против домового. Наконец он смирился и послушно подставил загривок.

Бежали так, что в ушах свистел ветер. Пролетели сквозь

пьяно пахнувшие сиреневые заросли. Дальше – мимо кряжистых изб. На большаке деревенский малец лениво погонял козу прутком. Та дернулась в сторону от кота, даже не поняла, кто это пронесся мимо. Ржаное поле осталось позади, свернули за околицу, а отсюда и рукой подать до заезжего дома.

Там кипела жизнь, бегали водоносы, ходили с ведрами дородные полемойки, скотники кормили уставших с дороги лошадей.

Стояла большая... телега. Или не телега? Та самая дилижанса. Никодим это понял, потому как заморская махина прилегла на один бок. «Дилижанса» – слово-то какое! Не было у нас отродясь никаких дилижанс! То ли дело колымага, даже звучало как-то привычнее. Кот тем временем прыгнул на стойло, оттуда вскарабкался по бревнам на охлуп² и оказался на скате крыши. Никодим слез с Васьки и кинул ему:
– Тут обожди.

Повернулся к печной трубе. Оттуда валил густой дым, пахло пирогами, кажется, с капустой. Видимо, ароматы шли из кухни, где повариха готовила трапезу для гостей. Спускаться через такую трубу в раскаленные угли было опасно, вмиг подпалишь себе зад и портки. Никодим пошатал тесины, пока не нашел подходящую. Отодвинул ее и влез под крышу. Недовольно заворковали встревоженные голуби, чье гнездо оказалось рядом, но домовый приложил палец к гу-

² Арх. верхняя часть крыши, ее конек.

бам, успокаивая их.

Среди гнезд и птичьего помета зашевелилось. Заплывшие жиром конечности выпростались из темноты – лапы, заросшие шерстью, только коготки совсем скрылись внутри толстенных, похожих на сальные свечи, пальцев. Массивная тень откашлялась пылью и недовольно прогудела:

– Кто тут бродит, спать нам не дает?

Никодим поборол с трудом гадливость:

– С Торчинового двора домовой, Никодимом кличут.

Когда бурдюк отворял рот, то все три его подбородка разом качались в такт словам:

– А, суседко. Тебе своего двора мало? Чего к нам приперся?

Наконец удалось разглядеть, кто это. Домушка постоялого двора. Тучный и неповоротливый, лежал он одним боком среди нечистот. Видать, голубей залетных жрал да яйца их из гнезд таскал, то-то скорлупа с птичьими костями хрустели под ногами.

Никодим ответил:

– Да нечисть у тебя тут завелась, вестимо, из пришлых.

– Нам тут хорошо, нас тут кормят. А кто ходит – да каждый раз новые. Всех знать – голова лопнет.

– Значит, не знаешь?

– Может, и знаем, тебе-то, суседко, какое дело?

М-да, не хочет тутошний домушка помогать, и не его печаль, кто у него на постоялом дворе шарахается. А Никоди-

му в чужих владениях негоже распоряжаться, положено разрешение получить. Он хитро прищурился и спросил:

– А вдруг нечисть эта объедать тебя будет? Запасы хозяйские сворует, ничего тебе не достанется!

Замолчал пентюх. Мясистая морда морщилась в раздумьях.

– Ладно, – наконец молвил он, – есть тут одна странная. Спокойная, но странная. Вроде вчера в черном ящике привезли. Думал, покойник, а внутри – она!.. В тот угол, – он неуклюже махнул лапкой, – проползешь, доски отогнешь, там и увидишь.

– Спасибо, брат. – Никодим кивнул. – Уберегу твои запасы.

Он сделал, как ему было велено. Прополз по грязному чердаку. Уже не удивлялся, что дерево под ним ходуном ходит. Открыл потолочную дыру и заглянул в нее.

Внизу была комната. Полы дубовые скрипучие. На стенах – шкуры, видимо для тепла. Одна еле держится – скоро отвалится. Ох, не смотрит здешний за хозяйством. Окна половиками завешаны, это чего люди посередь дня в темноте сидеть удумали? А вот и черный ящик. Отворен.

На кровати девица сидит. Бледная жуть. Читает при свече. Видать, ученая. Да что же ты такая бледная? Тебе бы наружу выйти, где свет солнечный.

Хлопнула дверь. Гость вошел заморский – Ефим.

– Пирожков тебе принес, с капустой. – Он протянул ей

большую корзину, прикрытую рушником.

– Ах, папенька! Не хочу пирожков, и деревня эта мне надоела, и половики эти! – недовольно указала девица на окна.

– Ну, Аленушка, мы скоро двинемся в путь, я уже договорился, что Торчин починит дилижанс. А старец Панкратий обещал мне в письме, что поможет, исцелит тебя.

– Папенька, да зачем мне старец?! Люди влюбляются, томятся, а ты мне старца! Устала! У-ста-ла! Слышала, холопки за дверью говорили, что сегодня Купала. Туда хочу!

Ефим забормотал:

– Аленушка, ты же знаешь, что нельзя тебе! Коростой от солнышка покроешься, снова будешь в кровати маяться, разве забыла, что произошло в том году? Как целый месяц потом мучилась.

Она отбросила книгу и закружилась по комнате:

– Ну и пусть! А я ночью пойду, когда солнышка нет. Я на праздник хочу! С девицами играть хочу! Хочу!

– Не позволю! – рявкнул Ефим, да так, что Никодим чуть с потолка не свернулся.

А все это время он приглядывался да принюхивался: нет, не было в бледной девице нечистого духа, да и не похожа она на такую, что будет по ночам шаромыжить. У той нечисти, которая на схрон позарилась, когти огромные, а тут нежные девичьи пальчики. Болезная – да, странная – да, непоседа, как и все дивчины, но злого умысла у нее нет. Никодим выудил перстень и бросил его внутрь, так, чтобы драго-

ценность бесшумно упала на кровать, но оказалась на виду у хозяина.

Прыгнул обратно под крышу и понял, что дальше бежать не может – что-то держало его за ногу. Толстые сальные пальцы сомкнулись на лодыжке. Несложно было догадаться, чьи это были пальцы.

– Ну чего, суседко, узнал? Будет нас нечисть объедать?! – оскалился домушка-толстяк. Он весь покраснелся, пока полз за Никодимом, под кожей на морде перекатывались огромные шишки.

– Не будет, не будет. – Никодим попытался отмахнуться от навязчивого домового. Но тот оставался настойчив; конечно, он не мог похвастаться ловкостью, а вот силы было хоть отбавляй у такого здоровяка.

– Сдается мне, что сам ты, суседушко, на хозяйские запасы покушался, а?!

Толстяк обнажил черные клыки.

– Что ты?! – воскликнул Никодим. Он почувствовал, как зубы капканом смыкаются на ноге. Что-что, а челюстями этот огузок умеет работать. Из пасти дышало зловонием. Никодим рыкнул, когда противник повалил его на пол. Лапы утонули в пыли высохших гнезд и останках птиц, которые тут же рассыпались. Недолго думая, он сгреб окружающий тлен и пустил им в морду здоровяку. Тот зажмурился, закашлял, ослабил хватку, чего и нужно было Никодиму. Он вонзил острые коготки в мясистые пальцы и вырвался, вы-

скочил наружу и был таков.

Васька убежал. Видать, не стал ждать наездника. Вот коллоброд облезлый! Придется самому до дому добираться. А тут рукой подать, дойти к околице через ржаную пожню, а оттуда кустами да оврагами – в родные места. День как раз клонится к вечеру, и полудницы уже прекратили танцевать на поле. Главное, другой нечисти на глаза поменьше попадаться.

Вышел к полю. Ветер качал колосья, они волнами разбежались в стороны, лишь этот шорох прерывал предзакатную безмятежность. Пойди туда – и потеряешься, не выберешься, безбрежны эти золотые просторы. Никодим забил в трубку махру. Закурил. Ощупал невидимую нить, которая протянулась между его сердцем и сердцем дома. Куда бы Никодим ни отправился, эта связь всегда оставалась при нем. Так он знал, что чувствует дом, – чужой кто пришел, или хозяйка опять ссорятся. Погрузился в раздумья о том, что было и будет.

Качнулись против ветра колосья, будто пробежал пес безродный или лиса какая. Закурлыкало в глубине ржаного моря. Никодим прислушался. Чуждый и холодный дух повеял посреди отступающего летнего зноя. Мелькнул белесый бок. Слева! Справа! Никодим затихарился. Чужак снова залился трелью. Из частокола стеблей выметнулся безволосый череп, зыркнул рыбьими глазами, следом показалось жилистое тело. Что за пришлая нечисть! Тем временем чужак по-

бежал на домового. Никодим бросился прочь, но наперерез ему прыгнул еще один, такой же. И в паутину не перекинуть-ся, и крысой не притвориться – зажали! Мосластый хребет показался промеж соцветий. Никодим приготовился дать отпор.

– Не сдамся! – зарычал он.

Первый чужак рывком сократил расстояние и выбросил когти, но домового уже не было в том месте. Он прыгнул на шею демону. Вцепился лапками в глазные впадины, надавил на бельма со всей силы, что-то потекло под пальцами. Удар пришелся сверху и внезапно. Второй чужак опрокинул Никодима на землю, раззявил безгубую пасть и оголил два острых клыка. Чиркнула искрой мысль, что именно такие зубы могли оставить следы на шее околевшей Рябки. Но это было уже неважно, в глазах у Никодима поплыло, будто жизнь расплескалась из того места, куда пришелся удар.

Черная тень упала с неба, острый клюв врезался в бледную макушку демона, тот издал протяжный, полный боли звук. Тень захлопала крыльями, и чужаки отпрянули. Пара когтей зацепила Никодима за кафтан. Птица поднатужилась и взмыла, оставляя внизу двух демонов, которые кричали и бились в бессильной злобе.

Поле стало уменьшаться, деревня внизу превратилась в одеяло, стеганное из пестрых лоскутков-дворов. Ворон, а это именно он вытащил домового из лап демонов-чужаков, медленно взмахивал крыльями и удалялся от обжитых мест.

Сверху все было совершенно другим, непривычным. Никодим удивился, какое все маленькое под ним, ведь он никогда не задумывался, каково птицам видеть землю с высоты. Он решил пока не дергаться, ведь если птица выпустит его тут, то добром это точно не кончится.

Вскоре они снизились. Ворон сделал круг над поляной, которая черной проплешиной выступала посреди чащобы. Когда земля была уже совсем рядом, хватка разжалась, и Никодим покатился по выжженной земле. Поднялся, кряхтя и потирая ушибленный бок, огляделся. Знал он это место, и ворона этого знал. Пернатый уставился на домового одним глазом, почистил перо и тут же вылупился другим. Это с ним Никодим дрался в прошлом году за ребеночка похищенного, это он, прислужник ведьмин, нанес ему такие раны, что домовый отлеживался еще много дней за печкой, ждал, пока дом вернет силы и исцелит. И место это было памятно, тут стояла избушка ведьмы Анисьи, да только добрые люди ополчились против нее за то, что младенчика украла, и сожгли ее дом да и, наверное, саму ведьму. Посреди поляны стояли лишь обгорелки жилища: две обугленные стены с обвалившейся крышей.

– Ну спасибо тебе, что из беды выручил. – Никодим поклонился бывшему неприятелю. Вражда враждой, а надо быть благодарным и блюсти древнюю традицию. – Да только мне от тебя ничего не надо.

Хотел пойти, но ворон преградил путь.

– Что? Забыл, как я тебе перья ободрал? – огрызнулся до-
мовой.

Птица отпрянула, перекинулась котом, который с протяж-
ным мявом взгромоздился на охлуп избы.

Оборотень хотел, чтобы домовый вошел внутрь.

Никодим подумал и прошел за стены. Мало что осталось
от жилища Анисьи. Валялись разбитые склянки, когда-то
полные трав; котел с трещиной лежал перевернутым днищем
вверх; книги с размытыми письменами болели обугленны-
ми страницами. В углу между двумя выжившими стенами
темнела куча гнилого тряпья. Домовой припал к полу, стара-
ясь услышать сердце дома. Поначалу было только холодное
молчание, даже букашки не проявляли себя. Но потом дом
вдохнул искореженными половицами и один раз натужно
вздрыгнул. Жив курилка! Живехонек!

Тут же зашевелилась куча в углу. Захрипела, заклокотала,
перешла в долгий надрывный вой. Сажа задрожала, попы-
талась сложиться в человеческое лицо с еще более черным
ртом и ослеплыми глазами. Будто в ней, в этой куче сажи,
кто-то сделал дырки, из которых выглядывала тьма беззвезд-
ного мертвого неба. Приподнялась. Наконец выплюнула:

– Ну здравствуй. – С каждым слогом черный рот вытяги-
вался шире и шире.

Никодим отпрыгнул.

– Ты кто?!

– Неужто не узнаешь меня, кутный бог?

– Анисья, ты?!

– Я, я. Ни жива ни мертва. Застряла между Явью и Навью.

– Я думал, все! Нет тебя!

– Многие так думают, может, оно и к лучшему.

Домовой молчал, ждал, что скажет ведьма. Не зря ведь ее прислужник принес его сюда.

– Тут я слаба, но ты можешь помочь мне.

– Чего это я тебе буду помогать?

– Потому что ты видел демонов пришлых, если бы не Самаил, то они бы тебя выпили, как скот.

– А кто они?

Анисья выкинула вперед изуродованную руку. Среди обугленных ошметков мяса белели кости.

– Духи голодные, духи нездешние, коих ырками кличут. Идут они следом за Ефимовой дочкой, жизнь из нее тянут, а всех, кто на их пути попадает, выпивают и души их жрут.

– А от меня чего ты хочешь? Моряк с дочкой как шли к старцу, так и пушай дальше идут с миром. Им, видать, привычно так.

– Алена убежала из дому к девицам на Купало, а ырки охочи до свежей крови, за нею пойдут. Вся деревня в опасности.

У Никодима екнуло сердце. Это как же так?! Ведь там и Глашка, и Иван, и Лука!

– Поглумиться хочешь? Зачем это рассказываешь? Люди тебя вон в пепел обратили. Только из угла и можешь вещать.

– Зла на людей я не держу, они такие, какие есть: глупые, порой алчные, но добрые. Я тебе помогу, а ты мне можешь.

– Ребеночка не отдам! – рявкнул Никодим.

Ему еще памятно было, какими трудами удалось вернуть младенца Торчинова.

– Я и не забираю, как видишь, я уже не та.

– Тогда чего ты хочешь?! – взмолился домовой. – Ходишь вокруг да около, а сказать не можешь!

– Пойдешь на Ивана Купалу в чащу, Самаил покажет тебе, там найдешь перунов цвет, мне его принесешь.

– А деревне как помочь?

– Не перебивай! – хлестнула его окриком ведьма. – Подобное только подобным можно осилить. Отправишься на Соромные болота, цветок, с кровью смешанный, может нечистью управлять. Поставишь упырей против ырок. Если выживешь, то цветок мне принесешь.

Задумался Никодим. В тот единственный раз, когда домовый был на болотах, он чуть не стал трапезой для упырей, еле ноги унес.

– Думай быстрее, ырки уже на пути в деревню...

Голос ведьмы слабел. Она явно поторапливала Никодима оттого, что времени мало было у нее самой.

– Хорошо, чувствую, что ты скрываешь что-то, но вижу, что нужно защитить мой дом.

Темная фигура в углу почти скорчилась, Навь тянула

ведьму обратно к себе.

– И последнее выслушай, кутный бог, – прошептала она. – Ребеночек Торчинов владеет силой древней. Нельзя, чтобы эта сила среди людей томилась, иначе, не зная ее, причинит он большое горе себе и остальным.

– Без тебя разберусь, – буркнул Никодим.

Но слова эти обожгли его, запали в сердце. Ведь все так, правду говорит Анисья. Если ведьмак из Луки выйдет, то что делать?!

Кот снова обратился в ворона. Самаил, имя-то какое мудреное. Так или иначе, старый недруг стал теперь союзником.

Птица сделала круг над домовым, ухватила цепкими когтями и подняла над поляной. Снова все уменьшилось, как на лубочной картинке.

Вечерело. Возвращались в сторону деревни. Горели костры, молодые праздновали Купалу. Столбы дыма от костров тянулись кверху, ворон пролетал сквозь них, и Никодим закашлялся от прогорклого чада.

– Да что же ты, глуподырый, через огнину меня тащишь! – выругался он.

Самаил лишь зыркнул одним глазом, но, кажется, стал аккуратнее планировать меж клубов.

А девицы с парнями внизу прыгали через кострище, хохотали. Заметил одну парочку – удалились в кусты, но Никодиму-то все сверху видно. Это кто там? Неужто Глашка? Глашка?! Не успел разглядеть – все осталось позади.

В сумерках увидел околицу, которая змеей заворачивалась вокруг деревни, потом большак, вьющийся промеж полей. Одинокий крестьянин на телеге сонно погонял шкандыбавшую лошадь. Поторопись, мужик, в ночь Купальскую нечисть покинет логова и побредет по окрестностям. За полями начиналась чаща. Приближаясь к ней, ворон будто натолкнулся на невидимую преграду, засучил крылами. Камнем полетел вниз. Ох, все! Настал конец! Сейчас в лепешку разобьются! Уже коснулись верхушек деревьев, как Самаил справился с неведомой силой, лег на крыло, просквозил между крон и выпустил Никодима. Домовой шандарахнулся о землю, но травяной ковер и заросли смягчили падение.

– Да что же ты меня бросаешь, я тебе чурка какая?!

Самаил его будто не слышал. Он перекинулся в ката и с хрустом вытянул спину.

– Что? Дальше лететь не можешь? – злорадствовал Никодим.

Кот вместо ответа отвернулся и пошел вглубь леса. Пришлось идти следом.

Перунов цвет еще называют разрыв-травой и огневиком, потому что только один раз в год, в ночь Купальскую, цветет он и светится ярче солнца. По этому свечению его и можно отыскать. Но этого мало – цветок охраняет нечисть, которая сама прикоснуться к нему не в силах.

Лес пугал, скрипел старыми ветвями, лаял лисами. Прятал звезды среди крон, неожиданно смолкал, чтобы нада-

вить внезапной тишиной, а потом взрывался нечеловеческими криками. Даже дедушка-лесовик в эту ночь тихарился, чтобы не путаться с теми неприкаянными, что лезут из болот да омутов.

Любой домовшка ночью зрит не хуже того же кота. Никодим ступал след в след за Самаилом, пока тот не замер, уставившись в одну точку. Светилась земля, светился частокол леса вокруг нее. Будто звездочка покинула небо и решила разогнать мрак, который поселился тут. Кажись, пришли. Вот он, перунов цвет, – ведьма не обманула.

– Чего встал истуканом? – шепнул Никодим коту. Тот напряженно вращал хвостом. – Не хочешь идти? Тогда сам пойду.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как набросилась тень угластая. Зашуршала соломой, завоняла прелой листвою. Закружила, завертела. Хвать домового! Завязала ветвистыми пальцами. Угораздило же его на мавку нарваться! Ну все, теперь не отвяжется, не даст ходу.

А мавка держала Никодима, глаза деревянные натурально выкатила, ощупывала ими пришельца.

– Маленький щур, маленький, – проскрипела она. – Цветик украсть хочет.

Никодим проглотил комок в горле:

– Пусти меня, сестричка, не думал твой цветик брать.

– Тогда играть! Играй! – закричала мавка и высунула щербатый язык.

– Да что ты, куелда, ко мне приклеилась, как банный лист, пусти меня!

– Ножки есть – танцуй ими, иначе ручки есть – щекочу ими! – не унималась мавка.

Она понесла Никодима по кругу, свет цветка мелькал то справа, то слева. Голова пошла кругом. Домовой попытался вывернуться из деревянных пут, которыми оплела его нечистая, но они крепко связали руки.

– Танцуй-танцуй ими! – повторяла мавка.

Она так до утра может вертеться, поздно уже будет к тому времени деревню с домом выручать, да и от самого Никодима мало чего может остаться.

Вспомнил Яшку – деревенского дурачка. Парень раньше был, до того как разума лишился, хоть куда! Девки от одного его взгляда алым расцветали. А силища в нем была – о-хо-хо! Быка меж глаз кулачищем оземь положить – дело было плевое. Так исчез парень, тоже на Купалу, а утром нашли его беспамятным. Водой отпоили, а он ни себя, ни родных не помнит, только мычит. А главное, сила его ушла, все тело иссохло, будто упыри жизнь выпили, оставили лишь столько, чтобы разум телепался в чахнувшей плоти.

– Мавка заиграла, – сочувственно кивали головой старухи на юродивого, который с тех пор бродил по деревне и улыбался.

Деревня! Невидимая ниточка, которая связывала домового с родным кровом, обожгла его, как удар хлыста!

Проснись! Опасность близка!

Мавка остановилась, но голова домового все еще кружилась после неистовой пляски. На поляне развалился Самаил, он извивался и играл в лучах огнецвета, всем своим видом показывая, какой он готовый к игре кот.

– Киса, – выдавила из себя неприкаянная.

В ответ Самаил мявкнул и зевнул разом. Нечистая тут же забыла про домовшку, выронила его, обратив внимание на новую забаву. Но лишь потянулась к коту, как тот скрылся за деревом и тут же показался снова.

– Играть! – захлопала мавка ветвями.

Кот опять отдалился. Мавка прошуршала к нему.

Ай да Самаил! Ай да ведьмин сын! Пока неприкаянная душа занята, нужно успеть незаметно сорвать цветок. Пошатываясь, Никодим сделал мягкий шаг, потом следующий. Мавка захохотала – будто ветер прошелестел по пшеничному полю. Домовой вздрогнул от этого звука, но нет, бесовка была занята.

Вот он, перунов цвет! Сияет, словно смарагд. Понятно, почему нечисть всякая тянется к нему – из темноты к свету пытается вернуться. Даже его, бывалого домового, очаровал цветок. Захотелось сесть тут и никому не отдавать его. Но нет! Нужно идти выручать деревню! Прикоснулся к цветку и тут же отдернул лапку – горячо! Перехватил рукавом и вырвал из земли, сразу за пазуху сунул поближе к сердцу. А теперь бежать! Не оборачиваясь! И будь что будет!

Завопила мавка, лишенная единственного сокровища. Завопила жутко и отчаянно. Откликнулся лес, закаркал, завыл.

Рядом уже бежал Самаил. Никодим вцепился лапкой ему в загривок и, как бывалый наездник, оседлал кота.

Раззявив черную пасть-дупло, вращая буркалами, расшви-репевшая, лишенная игрушки, мавка неслась по лесу. Она отрастила разом еще две пары конечностей, отчего стала подобна огромному паучище. Этими сучьями-ножками она прилипала к толстым древесным стволам, отталкивалась и бросала свое гибкое тело вперед.

– Верни! – рывкнуло почти над ухом. Деревянные челюсти клацнули там, где только что был кошачий хвост. – Играть!

Никодим смекнул, что мавка оказалась проворнее. Лес на ее стороне, Самаил промеж чащобы не то что взлететь не сможет, в ворона не обернется – не успеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.